

Елена А. Баженова (Пермь)

Стилистико-речевая организация научного текста

✦ Ключные речи :
*научный текст,
экстралингвистические
факторы, эпистемическая
ситуация, смысловая
структура, субтекст,
политекстуальность.*

Лингвостилистический подход к изучению текста предполагает исследование целых текстов в единстве поверхностной и содержательно-коммуникативной сторон (т.е. во взаимодействии линейного и глубинного «планов») с учетом детерминированности смысловой структуры произведения экстралингвистическими факторами. Другими словами, изучение структуры текста в функциональной стилистике связано с решением вопроса, каким образом различные коммуникативно-познавательные процессы в их широком экстралингвистическом контексте отражаются в языковой и смысловой организации текста, обуславливая его стилевую специфику. Именно такой подход

У раду је представљен модел стилистико-говорне организације научног текста. Уважава се чињеница да је научни текст условљен разнородним садржајем когнитивне делатности. Расветљава се појам субтекста као начина говорне реализације стандардног садржаја научног дела и уводи појам политекстуалности.

к пониманию стилистико-речевой организации научного текста лежит в основе предлагаемой концепции.

Структуру текста мы рассматриваем как многомерную и иерархическую содержательную организацию произведения, подчиненную авторскому замыслу, обусловленную комплексом экстралингвистических факторов, отражающую типовое содержание определенной сферы общения и деятельности, формирующую стилевую специфику данной разновидности текста и объективированную во взаимосвязях текстовых единиц, типовых текстовых подсистем, архитектонике, композиции и других составляющих поверхностной формы текста. Приведенное

 Система 2003

определение выявляет признаки смысловой структуры текста как теоретического инварианта высшего уровня абстракции. Понижение уровня абстракции приводит к обнаружению типовых стилевых вариантов текстовых структур, регламентированных закономерностями функционирования языка в различных сферах общения.

130

Применительно к научному тексту решение поставленной задачи предполагает рассмотрение условий производства и функционирования знания, зафиксированного в речевой форме. При этом важно, что описание смысловой структуры текста возможно лишь при условии, если экстралингвистические факторы, внешние по отношению к текстообразованию, понимаются как внутренние, преобразованные во взаимодействии с конкретным содержанием излагаемого научного знания.

Поскольку содержанием научного текста является вербализованное знание, среди экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на процесс текстообразования и характер смысловой структуры произведения, важнейшую роль играют компоненты научно-познавательной деятельности, обобщенные в понятии *эпистемической ситуации* (ЭС).

Это понятие введено в стилистику научной речи М. П. Котюровой, в работах которой получила развитие идея о детерминированности смысловой структуры научного текста сложным комплексом субъектно-объектных отношений, составляющих процесс познавательной деятельности и ее продукт – научное знание. М. П. Котюрова определяет ЭС как результат осознания автором трех основных аспектов познавательной деятельности: *онтологического*, связанного с предметным содержанием научного знания; *методологического*, связанного с процедурой

получения знания, и *аксиологического*, связанного с ценностной ориентацией субъекта и вхождением нового знания в континуум науки (Котюрова 1988; 1996: 343).

С нашей точки зрения, научная значимость понятия «эпистемическая ситуация» заключается в его объяснительной силе и высоком познавательном потенциале, поскольку, во-первых, оно отражает взаимодействие двух важнейших составляющих эвристической деятельности – субъекта и объекта; во-вторых, подразумевает наличие сложного комплекса мыслительных действий ученого, сопровождающих разрешение проблемной ситуации и поиск нового; в-третьих, демонстрирует системный характер экстралингвистических факторов, формирующих стилистическую специфику научной речи. Все это позволяет рассматривать ЭС в качестве метамодеи процесса познания и в то же время универсального экстралингвистического основания научного текста, которое определяет его типовую композиционно-смысловую структуру.

Вместе с тем, применяя понятие ЭС к нашему исследованию, считаем целесообразным расширить его содержание.

Нельзя не учитывать того, что знание приобретает научную и общественную ценность только в коммуникации, где оно и становится достоянием социума. Понятно, что для этого научное знание должно быть объективировано в виде текста. Именно текст, находящийся на пересечении двух типов коммуникативного взаимодействия – одного ученого с другим и одного этапа в развитии отрасли знания с последующим, способен обеспечить работу сложного коммуникативного механизма науки. Значит, ЭС детерминирована не только собственно познавательной, но и текстообразовательной деятельностью субъекта. В результате этой деятельно-

сти когнитивное преобразуется в коммуникативное, а научная концепция обретает «голос», чтобы быть услышанной. Поскольку реальная познавательная деятельность всегда протекает как *коммуникативно-познавательная*, считаем необходимым включить в структуру ЭС также *коммуникативно-прагматический аспект*, связанный с вербализацией полученного знания и его ориентацией на адресата.

Представляется целесообразным сделать еще одно уточнение, касающееся содержания аксиологического аспекта эпистемической ситуации. Как свидетельствуют исследования в смежных областях, оценочная сторона познавательного процесса соотносится с *рефлексией* субъекта – его многообразным самоотображением в качестве компонента научной картины мира. При этом рефлексивное начало включает не только оценку старого и нового, но и взгляды и представления ученого, его идеалы, убеждения, волевые и эмоциональные побуждения, психологические установки. Иными словами, рефлексия выявляет весь спектр личностных качеств исследователя, актуальных для его научной деятельности. Все это дает основание говорить о рефлексивном аспекте эпистемической ситуации.

В целом, в структуре эпистемической ситуации можно выделить два компонента – когнитивный и антропологический. Когнитивный компонент обусловлен объектом эвристической деятельности и ее результатом – научным знанием, рассматриваемым в «снятом» виде, т.е. как продукт проведенного исследования в единстве его предметного (онтологического) и процедурного (методологического) аспектов. В то же время интеллектуальная деятельность сопровождается отношением субъекта и к знанию, и к самому ходу мыслительного процесса.

По словам С. Л. Рубинштейна, познание всегда в той или иной мере включает «единство противоположных компонентов: знания и отношения, интеллектуального и аффективного» (Рубинштейн 1957: 264). Очевидно, что антропологический компонент ЭС организуется вокруг субъекта как познающей личности и одновременно автора текста. Личностное начало познавательной деятельности получает отражение в рефлексивном и коммуникативно-прагматическом аспектах ЭС.

Итак, *эпистемическая ситуация* – это совокупность взаимосвязанных признаков коммуникативно-познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического аспектов, оказывающих систематическое влияние на формирование научной речи, реализованных в научном тексте и определяющих его стилистико-речевую структуру.

Подчеркнем целостность эпистемической ситуации, взаимосвязь и взаимозависимость всех ее составляющих. Исключение из системы хотя бы одного аспекта неизбежно приведет к искажению понимания объективных закономерностей формирования научного знания и его репрезентации в тексте. Вместе с тем очевидно, что аспекты ЭС являются умозрительными конструктами, поскольку их нельзя обнаружить в живом, естественном познании в «чистом» виде. Тем не менее реальный процесс познания всегда проходит при последовательной или параллельной актуализации определенного аспекта, связанного с когнитивной либо антропологической сторонами научной деятельности. В процессе взаимодействия всех аспектов и формируется новое знание, составляющее содержание

научного текста. Таким образом, ЭС действительно оказывается объективным экстралингвистическим фактором текстообразования в научной сфере.

132

Кроме того, понятие эпистемической ситуации отражает системный характер экстралингвистических факторов научного текста и дает возможность подойти к его анализу «изнутри», охватить его «единым взглядом», рассмотреть глубокое и разностороннее влияние экстралингвистического на формирование глубинной и поверхностно-речевой структуры произведения.

Перейдем к изложению нашей точки зрения относительно стилистико-речевой организации научного текста с учетом его обусловленности экстралингвистическими факторами. В качестве познавательного инструмента воспользуемся широко применяемым в современной научной практике методом моделирования сложных объектов.

Как известно, моделирование предполагает выделение в описываемом объекте структурных единиц и их связей, остающихся инвариантными при любых трансформациях объекта. Инвариантная структура составляет, по мнению Ю. М. Лотмана, «единственную реальность, которой противопоставляются внесистемные элементы, отличающиеся неустойчивостью, иррегулярностью и подлежащие устранению в ходе описания» (Лотман 1992; 91). Следует учитывать и то, что объект в процессе моделирования «не только упрощается, но и доорганизовывается, становится более жестко организованным, чем это имеет место на самом деле» (там же).

Отмечая необходимость абстрагирования от некоторых «незначительных» признаков объекта, Ю. М. Лотман ссылается на Ф. де Соссюра, который при описании

синхронного состояния языка призывал отвлекаться от «маловажных» диахронических изменений «подобно тому, как математики при некоторых операциях, например при вычислении логарифмов, пренебрегают бесконечно-малыми величинами» (там же). Кстати, определенное упрощение объекта в процессе моделирования соответствует любой научной методике, является общей чертой науки как таковой и «не может в принципе встретить возражений, поскольку подобное искажение объекта в результате его описания представляется закономерным» (там же, с. 91–92).

Какие аспекты текста подлежат обязательному учету при его моделировании и какими аспектами можно пренебречь, ввиду того что они не являются принципиально значимыми для инвариантной смысловой структуры произведения? Ответ на этот вопрос требует выявления действительно существенных признаков структурно-смысловой организации текста и отражения выявленных признаков в интерпретационной модели.

Анализ лингвистической литературы показывает, что теоретические принципы создания многоаспектных моделей установлены пока лишь применительно к смыслу высказывания и сверхфразового единства. Моделированию целого текста посвящены единичные работы, причем объектами исследования оказываются, как правило, художественные тексты небольшого объема (см., напр.: Гак 1969; Ваников 1984; Каменская 1982; Купина 1988; Лотман 1992; Мельчук 1974; Мышкина 1991 и др.). Разработка модели формально-смысловой структуры *целого научного* текста, тем более с учетом его функционально-стилистических параметров и обусловленности экстралингвистическими факторами, до сих пор остается нерешен-

ной задачей. Интересно, что на ее актуальность еще четверть века назад указывал И. А. Мельчук, ср.: «Одной из центральных задач современной лингвистики является... построение функциональных моделей языка – действующих моделей типа «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст»» (Мельчук 1974: 14).

На наш взгляд, целесообразность моделирования текста как сложного системного объекта, обладающего смысловой (глубинной) и поверхностной (формально-языковой) структурой, обусловлена тем, что модель позволяет выявить конвенциональную, сложившуюся в результате исторического развития того или иного функционального стиля композиционно-смысловую схему текстовой организации, отражающую обязательные, но подвижные в своих границах, содержательно и функционально инвариантные элементы, обеспечивающие развитие смысла произведения и доведение смысла до адресата. При этом очевидно, что неисчерпаемость текста как объекта лингвистического исследования предоставляет и неисчерпаемые возможности для разработки его моделей, каждая из которых может помочь прояснению смысловых и структурных свойств текста.

Трудности, связанные с моделированием текста, неоднократно отмечались в лингвистической литературе. Так, по мнению Г. А. Золотовой, «недолгая пока история лингвистики текста свидетельствует, что более плодотворным и более трудным оказывается не столько описание техники связей между предложениями, сколько поиски пути к смыслу текста как целого через воплощающие его структуры» (Золотова 1995: 120). В работе Н. Л. Мышкиной отмечается, что динамическая модель текста должна учитывать как минимум три аспекта его бытия: отнесенность к объективной реальности,

к субъективной реальности и специфические формы собственного существования (Мышкина 1991: 33). Добавим к этому, что адекватная *функционально-стилистическая* модель не может не учитывать также комплекс наиболее значимых экстралингвистических факторов, определяющих само понятие «текст».

Из сказанного следует, что для решения проблемы моделирования смысловой структуры текста необходим «подлинно диалектический, свободный от односторонности подход к явлениям языка и речи», «соединение и совмещение системного и коммуникативного подходов, [...] а не альтернативное их противопоставление» (Москальская 1984: 161). Подчеркнем, что такой – комплексный – подход к разработке действительно функциональной модели научного текста во многом подготовлен развитием функциональной стилистики, теоретические принципы которой лежат в основе излагаемой концепции.

Одна из главных задач при моделировании формально-смысловой организации текста – выявление его *единиц*. При этом чтобы объяснить действительно стилистическую специфику текста как коммуникативного явления, в его модели должны найти отражение собственно текстовые, т.е. функционально обусловленные единицы. Ср.: «Для выражения смысловой структуры важна роль текстовых компонентов поверхностной структуры, стратегии их использования, архитектоники и композиции в качестве содержательной формы для выражения смыслового (в самом широком смысле) содержания» (Кожина 1996: 83).

По-видимому, единицами смысловой структуры научного текста (собственно текстовыми единицами) следует считать репрезентированные в его поверхност-

ной ткани когнитивные, познавательные, коммуникативные, эпистемические и другие смыслы. Понимаемые таким образом единицы выражают типовое содержание научного произведения, соотносятся с целевой установкой автора, характеризуются внутренней содержательной и формальной организацией, имеют определенную функционально-коммуникативную нагруженность в структуре целого текста. Следует отметить, что, хотя изучение стилистики научного произведения имеет почти тридцатилетнюю историю, анализ его структурных единиц начат недавно и до сих пор актуален.

Рассматривая текст со стороны его детерминированности комплексом экстралингвистических факторов, закономерно предположить, что смысловая структура произведения соотносится с поликомпонентной структурой «затекстовой» эпистемической ситуации в единстве составляющих ее аспектов – онтологического, методологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического.

Однако следует учесть, что в сознании субъекта содержание ЭС представлено целостно и нерасчлененно – в виде теоретически осмысленного образа действительности. В тексте же интеллектуальное содержание сознания должно быть «переоформлено» в соответствии с закономерностями текстообразования и спецификой линейной структуры речи. Ср.: «Развертывание замысла в полный текст должно осуществляться в определенной последовательности [...] Содержание, которое должно быть выражено в тексте, не может быть представлено в нем в том же виде, в котором оно существует в мышлении. Это содержание, будучи мыслительным образованием, организуется на основе своих закономерностей, направленных на обеспечение оперативности

мышления, его экономности и т.д. Оно симультанно [...] В тексте же оно может быть выражено только в виде последовательности языковых единиц, репрезентирующих дискретные фрагменты этого содержания. Поэтому мыслительное содержание, подлежащее выражению языковыми средствами, должно быть определенным образом расчленено и организовано в соответствии с закономерностями линейной структуры текста» (Новиков 1983: 25).

Подчиняясь вышеописанной закономерности, мыслительное содержание онтологического, методологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического аспектов ЭС проецируется в сферу языка, «опредмечивается», т.е. получает свой способ языковой номинации, и репрезентируется в тексте особыми знаконосителями. Для каждого аспекта ЭС выбирается свой способ языковой номинации – лексический (посредством слова или словосочетания), пропозициональный (посредством предложения) или дискурсивный (посредством относительно самостоятельного текста). Функциональная и семантическая общность рассредоточенных по пространству произведения языковых номинаций позволяет объединить их в некие субструктуры – в нашей терминологии, *субтексты*, выражающие разноаспектное содержание научного знания. Именно субтексты задают координаты информационного пространства текста, определяют его смысловую многомерность, детерминируют композиционную членимость произведения, обеспечивают развитие смысла и его доведение до адресата – в конечном счете, формируют особое качество смысловой структуры текста, которое мы называем *политекстуальностью*. Инвариантное содержание ЭС, реализованное комплексом

типовых субтекстов, обуславливает относительное единство и стандартность построения научных произведений при их вариативности в определенных пределах.

Удобство термина «субтекст» заключается в том, что его морфемный состав уже раскрывает содержание понятия: суб- – лат. *sub-* – «подчиненный, расположенный под чем-либо», т.е. субтекст – это часть текста, подчиненная целому. Общим обоснованием нашего подхода к интерпретации данного понятия служит идея О.И. Москальской о двух взаимосвязанных критериях, позволяющих отнести то или иное речевое явление к тексту. Ими являются, во-первых, коммуникативная значимость, во-вторых, смысловое единство (см.: Москальская 1981). Соответствие этим критериям позволяет считать суб-текстом любой по протяженности и по способу структурной организации фрагмент речевого сообщения, подчиненный целому, обладающий коммуникативной значимостью и характеризующийся смысловым единством.

Хотя понятие субтекста давно используется в лингвистических исследованиях, мы вкладываем в него иное значение. Как правило, субтекстами называют суперсинтаксические единицы типа сверхфразового единства (СФЕ), состоящие из нескольких тематически связанных предложений, раскрывающих одну из подтем целого произведения. Смысловая открытость субтекста обусловлена тем, что смыслы определенных элементов СФЕ (слов, словосочетаний и предложений) не получают полной реализации в рамках лишь одного СФЕ и требуют для своего завершения дополнительной информации. Ср. определение субтекста А.А. Вейзе как «компонента связного текста, развивающего одну из его основных тем и обобщающего темы нескольких сверхфразовых

единств, входящих в его состав» (Вейзе 1985: 33). Близкой точки зрения придерживается О.Л. Каменская, которая называет субтекстом «фрагмент линейной структуры текста, тематически объединяющий несколько предложений» (Каменская 1990: 53–56. См. также: Сидоров 1986: 28).

Как видим, традиционно субтекст располагается в одном ряду с единицами синтаксико-смыслового членения (СФЕ, абзаца и др.), не связанными (или почти не связанными) с содержательной стороной произведения, и не объясняет собственно стилистической специфики внутреннего устройства текста как продукта функционально обусловленной коммуникативно-речевой деятельности. В отличие от традиционных представлений, мы рассматриваем субтекст в его непосредственной зависимости от экстралингвистических факторов коммуникации (см. далее).

Кроме того, определяя субтекст в рамках функционально-стилистического подхода, мы опираемся на известные в языкознании, разработанные относительно единиц разных уровней языковой системы концепции текстовых категорий (см.: Гальперин 1981; Кожина 1998; Бондарко 1984; Матвеева 1990; Воробьева 1993; Котюрова 1994 и др.). Наиболее ценными представляются следующие характеристики категории: 1) ее знаковый характер, т.е. наличие плана содержания и плана выражения; 2) общая семантическая и стилистическая функция; 3) вариативность конститuentов категории, т.е. наличие общего значения, распадающегося на ряд более частных значений, эксплицированных разноуровневыми языковыми средствами.

Перечисленные признаки в силу их достаточно обобщенного характера, очевидно, могут быть отнесены не только к дотекстовым единицам языка, но и к

более крупным структурообразующим компонентам целого текста, таким как субтексты. Заметим, что по своим лингвостилистическим параметрам субтекст сопоставим с объемными текстовыми категориями, выделенными Т. В. Матвеевой на содержательно-структурных основаниях и «подобными целому тексту во всем, кроме законченности и исчерпанности авторского замысла» (Матвеева 1990: 18). Так же, как объемные категории, субтексты «не лишены внутренней целостности с ее содержательными и формальными показателями, но это относительная целостность части в составе большого текста» (там же).

Исходя из вышесказанного, мы рассматриваем субтекст в качестве 1) типовой структурно-смысловой единицы текста, функционально детерминированной экстралингвистическими факторами научной речи; 2) формы текстовой актуализации, т.е. «проекции» на целый текст, содержания одного из аспектов ЭС – онтологического, методологического, рефлексивного или коммуникативно-прагматического; 3) способа «линеаризации» нерасчлененного содержания ЭС в соответствии с законами текстообразования.

Субтекст является *знаковой* единицей целого научного текста, характеризующейся предикативностью (если под предикацией понимать вербальный акт, с помощью которого автор «вписывает» в окружающую действительность отраженную в его сознании научную картину мира), соотносительностью с определенным аспектом ЭС, множественностью способов языкового выражения мыслительного содержания. Подобно всякому знаку, субтекст обобщает, и это обобщающее свойство проявляется в его относительной устойчивости в рамках композиционно-смысловой структуры произведения.

Таким образом, *субтекст* – это *относительно самостоятельная структурно-смысловая единица целого научного текста, являющаяся средством речевой реализации онтологического, методологического, рефлексивного или коммуникативно-прагматического аспекта эпистемической ситуации, имеющая свой денотат и целеустановку, обусловленную специфической соответствующего аспекта.*

Субтексты, репрезентируя типовое содержание научного произведения, выполняют текстообразовательные функции. Взаимодействуя друг с другом, они интегрируются в единую политекстуальную систему, обеспечивающую тематическое развертывание текста, его смысловую целостность и композиционную упорядоченность. В свою очередь *смысловая структура научного текста* может быть определена как система субтекстов, в совокупности отражающих эпистемическую ситуацию и примененных в едином коммуникативном акте. Подчеркнем, что в реальном тексте – хотя аспекты излагаемого знания и могут быть «разведены» – субтексты синтезированы и составляют единство.

Политекстуальность смысловой структуры произведения соотносится с его композиционным устройством. В связи с этим *композицию* можно рассматривать как последовательность, соотношение и взаимное расположение структурно-смысловых единиц целого текста – субтекстов, с помощью которых автор управляет вниманием адресата таким образом, что произведение воспринимается как единое целое, или, точнее, как иерархия, где каждому субтексту уделяется внимание, соответствующее его значимости в рамках целого текста. Понятно, что комбинаторика субтекстов, определяющая композицию конкретного произведения,

не может носить случайный характер: состав и последовательность субтекстов отражают логику развития темы, ход научной мысли автора, его замысел и прагматические установки.

Интеграция субтекстов в единую политекстуальную структуру обуславливает возможность существования таких, казалось бы, взаимоисключающих свойств текста, как монолитность и членимость. Монолитность текста выражает стремление автора объективировать результат проведенного исследования и целостно представить полученное научное знание. Членимость текста на такие относительно самостоятельные структурно-смысловые единицы, как субтексты, обеспечивает сегментацию знания посредством актуализации его отдельных аспектов. Политекстуальная структура произведения позволяет автору разграничивать старое и новое знание, активизировать фоновые знания читателя, акцентировать внимание на этапах и способах решения проблемы, «включать» в работу механизм оценки, управлять процессом восприятия текста и др.

Предлагаемая модель политекстуальной структуры научных произведений академических жанров (статей и монографий) включает восемь типов субтекстов, «опредмечивающих» в речевой ткани содержание аспектов эпистемической ситуации.

Онтологический аспект представлен *субтекстом нового знания*, который выражает предметное содержание авторской концепции, *субтекстом старого знания*, актуализирующим ее предпосылки, а также *прецедентным субтекстом*. Последний является своеобразной «визитной карточкой» старого знания, содержание которого свернуто до термина-понятия, прочно вошедшего в ядро науки,

хорошо известного читателю и поэтому не требующего «расшифровки» (например, *теорема Пифагора, гипотеза Сепира-Уорфа, таблица Менделеева*).

Способом речевой реализации методологического аспекта ЭС является *методологический субтекст*, благодаря которому содержание концепции предстает перед читателем именно как научное знание. Этот субтекст демонстрирует принципы, методы и методики проводимого исследования; способы обоснования нового знания. Кроме того, он выполняет функцию членения информации текста на кванты смысла с акцентированием основных логических этапов развития авторской мысли.

Рефлексивное начало познавательной деятельности реализуется посредством *субтекста оценки* и *субтекста авторизации*, первый из которых выражает ценностную ориентацию автора, второй является способом речевого воплощения авторской рефлексии.

Коммуникативно-прагматический аспект эпистемической ситуации «опредмечивается» в *субтексте адресации* и *периферийном субтексте*. *Субтекст адресации* отражает направленность произведения на читателя, управляет восприятием текста и служит «прагматической инструкцией автора» (Апресян 1988: 33), предписывающей, как должно быть распределено внимание адресата, чтобы интеллектуальная информация была оптимально усвоена. Посредством этого субтекста осуществляется также композиционно-смысловое членение научного содержания и акцентируются ключевые моменты излагаемого знания.

Периферийный субтекст, представленный комплексом информационно вторичных текстов и текстовых фрагментов (аннотацией, предисловием, заключением,

библиографическим списком и оглавлением), является «проекцией» всей политекстуальной структуры основного текста на ситуацию вербально-научной коммуникации. Этот субтекст дублирует содержание основной части в целях достижения максимальной точности и удовлетворения потребности читателя в оперативном получении проверенной и точной научной информации. Он отличается смысловой компрессией и обобщенной формой выражения знания с акцентированием его результативности.

Подчеркнем, что выявленные субтексты выражают стандартное содержание эпистемической ситуации в единстве составляющих ее аспектов, регулярно используются в научных текстах различных отраслей знания и характеризуются достаточно однотипным функционированием, что обусловлено универсальностью эпистемической ситуации, а также нормативным характером научного стиля речи.

Субтексты выполняют текстообразовательные функции. Взаимодействуя друг с другом, они интегрируются в единую политекстуальную систему, обеспечивающую тематическое развертывание текста, его смысловую целостность и композиционную упорядоченность. В свою очередь *смысловая структура научного текста* может быть определена как *система субтекстов, в совокупности отражающих эпистемическую ситуацию и примененных в едином коммуникативном акте*. Подчеркнем, что в реальном тексте – хотя аспекты излагаемого знания и могут быть «разведены» – субтексты синтезированы и составляют единство.

Субтексты имеют различный характер речевой реализации. Нами выявлены два типа субтекстовых структур – континуальный и дискретный. *Континуальная структура* представляет собой последо-

вательность высказываний, развивающих одну тему, объединенных общим смыслом и связанных между собой формальными средствами. Такой структурой обладает прежде всего *субтекст нового знания*. Именно он эксплицирует предметное содержание концепции и раскрывает тему текста. Это самый протяженный, «сквозной», логически и композиционно оформленный в соответствии с динамикой мысли субтекст научного произведения, при развертывании которого акцентируются этапы познавательной деятельности автора: проблемная ситуация, проблема, идея, гипотеза, аргументация, вывод.

Дискретные субтексты реализуются посредством совокупности разноуровневых языковых единиц, отдельно, т.е. вне формальной связности, представленных на пространстве произведения, но объединенных семантической и функциональной общностью. Они обладают относительной смысловой целостностью, поскольку за внешне дискретной структурой стоит целостное содержание определенного аспекта ЭС.

Дискретный способ организации свойствен большинству выявленных субтекстов: *методологическому, оценочному, прецедентному, авторизации и адресации*. Эти субтексты как бы «аранжируют» субтекст нового знания, формируют контекст, в который «погружено» собственно научное содержание.

Каждый из субтекстов представлен в произведении типизированными речевыми единицами, обладающими семантической и функциональной общностью. Эти единицы в процессе развития научного стиля приобретают такую устойчивость, что превращаются в стереотипные формулы, используемые в текстах различных наук и маркирующие кванты стандартного содержания.

Модель политекстуальности, отражающая идею глобальной структурированности целого текста, с одной стороны, имеет предельно обобщенный характер, с другой – позволяет разложить смысловую структуру текста, не поддающуюся простому описанию в силу своей чрезвычайной сложности, на составляющие ее субструктуры. Эти субструктуры (субтексты), во-первых, в своей совокупности репрезентируют содержание эпистемической ситуации, во-вторых, являются функционально взаимосвязанными на основе воплощения авторского замысла, в-третьих, характеризуются системными отношениями взаимозависимости, иерархичности и дополнительности.

Рассмотренные типы субтекстов, безусловно, не исчерпывают смысловой глубины и многомерности научного произ-

ведения. В рамках одного исследования не представляется возможным всесторонне описать такое сложное и многоаспектное явление, как смысловое содержание научного текста, варьирующееся за счет экспликации (или неэкспликации) отдельных коммуникативно-познавательных действий. Однако мы попытались выявить некую инвариантную стилистико-речевую организацию реализованных в произведении смыслов (когнитивных, аксиологических, прагматических и др.), которые позволяют читателю воспринимать и адекватно понимать информацию, заложенную автором. В связи с этим модель политекстуальности позволяет точнее определить стилистико-речевую природу научного текста в аспекте его обусловленности экстралингвистическими факторами.

summary

Σ Stylistic and speech organization of a scientific text

The article suggests the model of the scientific text stylistic structure determined by the multiaspect content of the cognitive activity. The author develops the concept of epistemical situation and considers the later to be extralinguistical metamodel of a scientific text, which determines its stylistic peculiarity. The structure of epistemical situation is described with regard to its cognitive and anthropological content, which is concretized with the help of the four interconnected aspects of communicative, cognitive activity and scientific knowledge as a result of this activity. The paper defines the concept of a subtext as a means of ontological, methodological, reflective and communicative-pragmatical aspects of the epistemical situation resulted in speech. It reviews 8 types of subtexts which represent the standard content of a scientific text and form its politextuality.

Литература

140

- Апресян 1988: **Апресян, Ю. Д.** Прагматическая информация для толкового словаря. – In: Прагматика и проблемы интенциональности. – Москва: Изд-во Ин-та яз-я ан СССР. – С. 7–44.
- Бондарко 1984: **Бондарко, А. В.** Функциональная грамматика. – Ленинград: Наука.
- Ванников 1984: **Ванников, Ю. В.** К обоснованию общей типологии текстов, функционирующих в сфере научно-технического перевода. – In: Текст как объект лингвистического анализа и перевода. – Москва: Изд-во Ин-та яз-я ан СССР. – С. 15–26.
- Вейзе 1985: **Вейзе, А. А.** Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста. – Москва: Высшая школа.
- Воробьева 1993: **Воробьева, О. П.** Текстовые категории и фактор адресата. – Киев: Вища школа.
- Гак 1969: **Гак, В. Г.** О моделях языкового синтеза. – In: Иностранные языки в школе. – 1969. – № 4. – С. 15–22.
- Гальперин 1981: **Гальперин, И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. – Москва: Наука.
- Золотова 1995: **Золотова, Г. А.** Говорящее лицо и структура текста. – In: Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – Москва: Изд-во Ин-та рус. языка РАН. – С. 120–132.
- Каменская 1982: **Каменская, О. Л.** Смысловые категории и текст. – In: Проблемы коммуникативной лингвистики: Сб. науч. тр. мгпийа им. М. Тореза. – Москва. – Вып. 186. – С. 61–77.
- Каменская 1990: **Каменская, О. Л.** Текст и коммуникация. – Москва: Высшая школа.
- Кожина 1996: **Кожина, М. Н.** Соотношение стилистики текста со смежными дисциплинами. – In: Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. – Т. II. – Ч. 1: Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – С. 11–29.
- Кожина 1998: **Кожина, М. Н.** Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте. – In: Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. – Т. II: Стилистика научного текста (общие параметры). – Ч. 2: Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – С. 3–15.
- Котюрова 1988: **Котюрова, М. П.** Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та.
- Котюрова 1994: **Котюрова, М. П.** Некоторые функционально-семантические категории научного текста. – In: Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – С. 3–41.
- Котюрова 1996: **Котюрова, М. П.** Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения. – In: Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. – Т. II. – Ч. 1: Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – С. 341–370.
- Купина 1988: Купина, Н. А. Модель целостного лингвистического анализа художественного текста. – In: Структура и семантика текста. – Воронеж: Воронеж. ун-т. – С. 5–12.
- Лотман 1992: **Лотман, Ю. М.** Динамическая модель семиотической системы. – In: Лотман Ю. М. Избранные статьи. – Таллин: Александра. – Т. 1. – С. 90–101.
- Лотман 1992: Текст и функция. – In: Динамическая модель семиотической системы. – In: Лотман Ю. М. Избранные статьи. – Таллин: Александра. – Т. 1. – С. 133–141.

- Матвеева 1990: **Матвеева, Т. В.** Функциональные стили в аспекте текстовых категорий.
– Свердловск: Изд-во Урал. ун-та.
- Мельчук 1974: **Мельчук, И. А.** Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – текст». –
Москва: Наука.
- Москальская 1984: **Москальская, О. И.** Текст – два понимания и два подхода. – In: Русский
язык: Функционирование грамматических категорий: Текст и контекст. – Москва:
Наука. – С. 154–162.
- Мышкина 1991: **Мышкина, Н. Л.** Динамико-системное исследование смысла текста.
– Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та.
- Новиков 1983: **Новиков, А. И.** Семантика текста и ее формализация. – Москва: Наука.
- Рубинштейн 1957: **Рубинштейн, С. Л.** Бытие и сознание. – Москва: Изд-во АН СССР.
- Сидоров 1986: **Сидоров, Е. В.** Основы системной концепции текста: Автореф. дис. ... д-ра
филол. наук. – Москва.